

Кира Тигрис

ИГРА БУДУЩЕ

design by Daria Filichkina

16+

Кира Тигрис

Игра Богов

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Тигрис К.

Игра Богов / К. Тигрис — «ЛитРес: Самиздат», 2013

ISBN 978-5-5321-0965-0

Это история одного семнадцатилетнего парнишки по имени Леонид, который выиграл десятидневное путешествие в море на роскошном туристическом лайнере «Игра Богов». Он еще не знает, что оказался на борту не случайно, этот корабль плывет не по заданному курсу и на нем гораздо больше пассажиров, чем нужно. История начинается с того, что за Лео начинает следить незнакомая белокурая девушка с клинком за поясом. Вокруг его рукояти находится странный длинный список... из всех живущих на Земле смертных. И все было ничего, пока Леонид не нашел в этом черном свитке имя своей младшей сестры...

ISBN 978-5-5321-0965-0

© Тигрис К., 2013
© ЛитРес: Самиздат, 2013

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1. Начало начал	6
Глава 2. Большой концерт	11
Глава 3. Ужин со смертью	18
Глава 4. Орфей и Эвридика	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

ПРОЛОГ

Сквозь мутную толщу зеленой воды еле-еле пробивались тусклые солнечные лучи, растворявшиеся в морской пучине. В неясных бликах зеленоватого света мелькала распростёртая фигурка худощавого парнишки лет семнадцати. Широко распахнутые темные глаза на бледном, как снег, лице были неподвижны. Из полураскрытого, словно в агонии, рта тянулась вверх тоненькая дорожка пузырьков воздуха, казавшихся красными от молодой крови. Темные густые волосы, в нормальном состоянии доходившие до плеч, теперь развевались во все стороны пушистой копной. Пестрая футболка и темные потрепанные бриджи парнишки надулись, став на три размера больше. Неподвижное, словно фарфоровое, тело опускалось все ниже и ниже в черную бездонную впадину. Стайки маленьких блестящих рыбок брезгливо проносились мимо.

И тут я узнал парнишку. Это был Леонид Хомкин. То есть я.

Ошибки быть не могло: себя сложно не узнать. Но почему я так безропотно иду ко дну? Почему не кричу и не спасаюсь? Как я вообще здесь оказался? И, самое главное, почему я вдруг вижу себя со стороны?

Я дернулся, пытаюсь нырнуть за самим собой вглубь, но напрасно. И, что самое ужасное, у меня теперь совсем не было тела. Я не чувствовал своих рук и ног, сердце остановилось. Казалось, все кончено. Теперь я не больше, чем 21 грамм юной человеческой души, незримой и неосязаемой, раз и навсегда жестоко оторванной от своего тела. Медленно, но верно я поднимался на поверхность, тогда как мое земное туловище опускалось все глубже и глубже в темную впадину на радость рыбам и морским крабам.

— Un ancla en la boca! Arriba! —раздался в моей голове голос, слишком громкий и грубый для моего внутреннего.

— Что? — я быстро огляделся вокруг, но не увидел никого, даже самого себя.

Глава 1. Начало начал

Внезапно меня ослепил яркий свет, и я уже почти приготовился встретиться с Всевышним, но вместо этого очутился лежащим ничком, мокрым и побитым, на твердой палубе корабля. Щурясь и откашливаясь, я все же смог приоткрыть глаза, и передо мной предстала роскошная, необъятная, белоснежная палуба огромного круизного лайнера «Игра Богов». Помнится, именно отсюда я и свалился.

Впрочем, на борт я попал так же случайно, как и упал с него: вошел в десятку финалистов международного конкурса молодых писателей, сценаристов и поэтов. До сих пор не верю, что я оказался среди них. Шанс был у всех, кому еще не стукнуло двадцать: нужно было лишь в срок нарисовать комикс, написать сценарий, роман, песню или стихотворение и прислать на определенный электронный адрес. Организаторы не соврали: финалистов действительно ждала настоящая сказка на борту роскошного лайнера «Игра Богов», в течение десяти дней гуляющего в теплых водах Средиземного моря.

Но как попал сюда я, простой семнадцатилетний мальчишка из небогатой семьи? Да, я написал текст. Да, я отослал его в срок. И, что совершенно невероятно, мне улыбнулась удача. Первые пару часов я скакал по палубе, как умалишенный, то и дело подбегая к краю борта, чтобы проверить, не исчезло ли море. Ведь я видел его первый раз в своей жизни. Да и оно меня тоже.

Два самых волшебных в мире слова отнюдь не «пожалуйста» и «спасибо», а «все включено». Хотя первую пару я по привычке употреблял чересчур часто и даже на английском языке: лайнер был международным. С первого ужина я просто не смог уйти, хоть и попробовал всего понемногу. Официантки, улыбочивые девушки в белых костюмах, долго не верили, что я, как опоссум, сумел съесть столько, что не мог сдвинуться с места. В первый день я улыбался от уха до уха, так что к вечеру у меня ныли скулы. Я откровенно наслаждался роскошью: свежими простынями, блестящими полами, роскошными обедами и услужливыми улыбками работников. Если на Земле и возможен рай, то я бесплатно провел в нем целых десять дней. Ну, или почти десять...

Мне всегда говорили, что я слишком самодостаточен, прямо как матерый черный кот: избегаю шумных компаний, пропускаю вечеринки, все всегда делаю сам и никогда ни на кого не надеюсь. Да, собственно, так оно и есть. Очутившись на борту «Игры Богов», я часами в одиночку бродил по палубе и бесконечным коридорам, мысленно «фотографируя» все, что только встречалось на моем пути: аквапарк, бассейны, бары, клубы, кафешки, боулинг, футбольное поле, пляж и так далее. Кстати, аквапарк и пару баров я не только «сфотографировал».

Одним из самых запоминающихся моментов круиза стало посещение бассейна и разноцветных водных горок. Показав на входе свой пластмассовый ярко-алый браслет «все включено», я скатился со всех горок, какие только смог найти. Осталась последняя, самая крутая и страшная, около восьми метров в высоту. Прямо под ней находился бассейн с лазурной водой, достаточно широкий и глубокий, чтобы человек, случайно свалившийся с верха горки, не пострадал. Вокруг него загорали солидные объемные дамы всевозможных национальностей и нравов в разноцветных купальниках.

Когда я, в целях экономии времени, взбежал по лестнице на самый верх, то на площадке перед спуском не было ни одного стюарда. Весьма странно: на всех остальных, даже самых низких и пологих горках работников, отвечающих за безопасность, было чуть ли не больше самих посетителей. Неужели наступил обеденный перерыв? Я окинул взглядом подножье горки: четверо крепких ребят в красных майках барахтались в бассейне, что-то крича в мою сторону. Кажется, это были стюарды, и только что они дружно съехали с горки.

– Извините! – закричал я, ничего не понимая в иностранной ругани.

Честно говоря, когда мои скудные познания в иностранных языках не позволяли перевести то, что было мне адресовано, я просто как можно чаще произносил «спасибо» и «извините». Недолго думая, я быстро развернулся, чтобы съехать с горки. Но вместо этого замер на месте, как вкопанный.

Передо мной стояла стройная белокурая девушка, одетая в темный кожаный топик и юбку. На шее – дорогое ожерелье, на руках – золотые браслеты, за поясом – тонкий изящный клинок ручной работы. Я взглянул в ее серо-зеленые глаза и тут же забыл, что происходит и где я.

– Горка капут, – произнес я на ломаном немецком, и добавил на английском, – идите домой!

– Daniel! – ее голос зазвенел в моем сердце, и я, как дурак, зачем-то расплылся в улыбке. – Tienes algo para mi! Tráeme hasta la puesta del sol, si quieres vivir! Daniel?

– Мадам, вы ошиблись, – продолжал улыбаться я, она быстро схватила меня за руку, – я не Даниэль, я лучше... Bay!

– Hasta la puesta del sol, – повторила девушка; между тем ее глаза успели из серо-зеленых стать темно-карими, – adios, Daniel!

– Что?! – только и смог выдохнуть я. Тем временем красотка ловко подхватила меня за плечи, словно котенка, и бесцеремонно швырнула с площадки вниз.

Это был самый неграциозный прыжок в истории человечества. Я летел, нелепо размахивая руками и кувыркаясь в воздухе. Наконец раздался громкий шлепок: благо прямо под вышкой находился бассейн, и я угодил в его лазурную гладь своей пятой точкой. Падение вызвало небольшое цунами, окатив водой с ног до головы всех загорающих многоуважаемых дам и какого-то белого пуделя. Тот с визгом бросился наутек и врезался тележку с мороженым, которая со скрипом скатилась прямо в бассейн. И, конечно же, во всем обвинили только меня!

Двое стюардов тотчас же нырнули за мной и вытащили на берег, по пути наперебой рассказывая, какое наказание меня ждет. Я молча развернулся и посмотрел на вышку, и в этот момент «чудесная» блондинка помахала мне рукой и быстро съехала с горки, поднимая в воздух кучу брызг.

– Что там случилось? – спросил меня загорелый плечистый стюард, мокрые черные волосы которого блестели на солнце.

– Я... поскользнулся, – соврал я, задирая голову вверх и потирая пятую точку, которой сегодня досталось сильнее всех, – этого больше не повторится!

– Поскользнулся? – не поверил его голубоглазый коллега, качая белобрысой головой. Его подозрения были оправданы: площадку на вершине горки окружали высокие крепкие перила.

– Просто сидел на ограде, нечаянно поскользнулся и упал вниз, – хотел было ответить я, но в силу моего незнания английского, пришлось сильно сократить историю, – я прыгнул! – затем подумал и прибавил для убедительности, – мне очень жаль!

– Ты мог разбиться, и тогда adios наша премия! – продолжал первый стюард, на вид казавшийся не старше меня. – Пошли к старшему менеджеру!

– Что ты сказал? – я взглянул в его черные, как ночь, глаза. – Adios?

– Даниэль пошутил! – тут же заступился за коллегу голубоглазый и решил перевести тему. – Как тебя зовут? Сколько тебе лет, зачем страдаешь ерундой?

Я молчал: в моей больной голове звенел смех белокурой красотки.

– Даниэль? – промямлил я. Странно, но ее слова я помнил так же отчетливо, как и улыбку. – Tienes algo para mi. Tráeme hasta la puesta del sol.

Черноглазый стюард отпрянул назад, глядя на меня, как на приведение.

– Habla español?

– Никаких эспаньол! – замотал я мокрой головой. – Переведи, что я сказал!

– У тебя есть что-то, что принадлежит мне, – ответил стюард, хмурясь, – верни мне это до заката.

– Si quieres... – я вспомнил ее фразу в точности.

– Если хочешь, – испанский парень хмурился все сильнее и сильнее.

– Si quieres vivir! – закончил я.

– Если хочешь... жить! – скаут попятился назад и наступил на ногу голубоглазому коллеге.

– Чудненько! – я прикусил нижнюю губу, собирая в кучу все свои познания в английском. – Отпустите меня, я не пойду к вашему боссу!

– Но все видели, как ты свалился, – запротестовал белобрысый: он, видимо, ничего не понял из нашего диалога с черноглазым, – будешь все объяснять там!

– Отпустите меня! – обратился я к испанцу с самым серьезным лицом, какое только мог организовать в данный момент. – Дайте мне уйти, si quieres vivir!

– Пошли, Томми, – ответил он, хватая черными от загара пальцами запястье коллеги, – будет лучше, если он уйдет. Просто забаним его браслет на пару дней.

– Имя! Полностью! – потребовал белобрысый, не желая уступить.

– Анатолий Орлов, – ответил я, не задумываясь, – да баньте хоть на неделю!

Скауты переглянулись, синхронно повторив имя, которое мне не принадлежало. Голубоглазый криво улыбнулся – запомнил.

– Adios, Том и Дэн! – попрощался я и быстро направился к выходу.

Через пару минут я уже стоял перед дверью в свой номер «255». Электронный замок весело пискнул, гостеприимно пуская меня внутрь. Я сделал пару шагов и остановился, как вкопанный. Здесь явно кто-то рылся: такого беспорядка я еще никогда не видел в своей жизни. Футболки, шорты, носки, документы, кроссовки, жвачки – все валялось на полу, словно по комнате прошелся мой личный торнадо. Кровать расправлена, простыни сдернуты, шкаф и комод раскрыты настежь. Даже полотенца в ванной комнате были раскиданы, а ботинки перевернуты. Сомнений не было: блондинка добралась и сюда. Кажется, мной впервые в жизни серьезно заинтересовалась девушка.

Но что ей нужно? У меня нет ни денег, ни дорогой техники. Мой плеер, камеру и ноутбук полностью заменял телефон, который, кстати, валялся нетронутым на комодке рядом с моим вывернутым наизнанку бумажником. Она не взяла ни цента. Хм, она не берет такую мелочь.

Я схватил телефон и выскочил из номера, оставив, как обычно, уборку на потом. Кто такой этот Даниэль? Блондинка была так серьезна, как будто парень обещал жениться на ней, но потом выкрал ее обручальное кольцо. Ну, попадись мне этот испанский мачо!

Подгоняемый такими мыслями я дошел до ближайшего бара «все включено», постоянно ища среди толпы ее золотые волосы и серо-зеленые глаза. Но напрасно.

Люди делятся на два типа: одни приходят в бар за пивом, другие – за WiFi-ем. Я относился к последним. Быстро оглядевшись вокруг, я плюхнулся за самый дальний столик, избавив бармена от лишних хлопот. Как только мой браузер в стареньком телефоне ожил под воздействием бесплатного интернета, я определил координаты своего местоположения и вбил в поисковую строку:

«Средиземное море, время заката».

Тут же пришел ответ:

«Заход солнца: 20:37 по местному времени».

«Отлично!» – подумал я, – «У меня есть еще почти семь часов прежде, чем я должен принести своей блондинке то, не знаю что. Интересно, она хоть извинится, когда поймет, что перепутала?»

В животе, полном хлорированной воды из бассейна, заурчало, и я с надеждой взглянул на барную стойку. Похоже, весь обслуживающий персонал роскошного лайнера был не старше

меня. Перед барменшей, милой девушкой с короткими ярко-рыжими волосами, стояло двое солидных мужчин в дорогих костюмах. Полный пожилой джентльмен с блестящей лысиной громко расхваливал бар перед своим высоким другом:

– Здесь всегда есть в наличии двадцать сортов пива! Если нет, то я меняю бармена в первом же порту!

– Двадцать сортов? – подошла к ним худощавая женщина средних лет на каблуках и со свежим грамотным макияжем.

– И пусть не будет только одного! – буркнул первый господин и заказал себе какое-то темное пиво.

Его компаньон тоже попросил себе стаканчик, только уже другого, более редкого.

Барменша вздрогнула, растерянно опутив свои густо накрашенные черные ресницы. Честно сказать, у нее уже давно осталось одно только крепкое темное, на что отдыхающие ни разу не жаловались. Внезапно я поймал отчаянный взгляд карих глаз рыжеволосой девушки и, сам не понимая зачем, легонько кивнул. Около стойки за пару минут собралась шумная толпа, не желающая выстраиваться в очередь. Барменша сжала губы и отвернулась к барной стойке. Когда она повернулась обратно, то в ее руках была пузатая пивная кружка и высокий тонкий стакан. Оба с одним и тем же – крепким темным.

Она обреченно поставила их перед солидными джентльменами, ожидая гнева, который скоро обрушится на нее. Полный, видимо, самый главный, поднес кружку к губам, вдыхая аромат хмеля. Весь мир замер в ожидании, и одновременно с ним я затаил дыхание, слыша жадные глотки и причмокивание. Не дождавшись «финала», его высокий компаньон приступил к своему стакану. Оба долго хмурились, фыркали, но, наконец, одобрительно закивали головами, улыбаясь:

– Тот самый сорт!

– Тот самый вкус!

Я глубоко вздохнул, побледневшая девушка облегченно выдохнула и улыбнулась своим VIP-клиентам. Жизнь снова прекрасна и удивительна. Но тут...

– Мне стаканчик светлого некрепкого! – тут же раздался приятный женский голос. Состоятельная подруга солидных джентльменов не хотела оставаться в стороне.

Девушка по привычке услужливо улыбнулась, карие глаза забегали под густыми ресницами. Чудеса закончились: даже ежик без труда отличит темное крепкое от слабенького светлого. Это был провал! Но умирать, так с музыкой: незаметно барменша схватила со стола стакан, на треть наполненный обычной чистой водой, и ловко наполнила его пивом до краев. Напиток получился золотистым по цвету, менее терпким, и, что самое замечательное, солидная мадам тут же с удовольствием выпила полстакана.

«Все, что нужно человеку, – это выбор», – подумал я, глядя, как важная троица отошла от стойки со своими напитками, – «Пока есть чистые стаканы, в этом баре всегда будут все сорта пива. Люди будут пить то, что нальют, принимая на веру то, что им скажут. Может быть, и мы сами всего лишь стаканы? Высокие или широкие, круглые или тонкие... Разная форма с одним и тем же банальным содержанием: инстинктами, привычками, желаниями. Что ж, остается только надеяться, что я все-таки чистый стакан, и внутри пиво не такое уж разбавленное»

– Молодой человек! Ваш заказ готов!

Я поднял глаза: рыжая барменша, широко улыбаясь, смотрела прямо на меня. От удивления я икнул. Идти никуда не хотелось, а тем более что-то пить. В животе хлюпал добрый литр хлорированной воды, любезно предоставленный бассейном. Но надо: она окликнула меня во второй раз, все так же лучезарно улыбаясь.

– Простите, я ничего заказывал, – оправдывался я на английском с самым зеленым лицом от начинающегося недомогания в животе, – ох!

– Это за счет заведения! – подмигнула она. – Быстрее, а то еще налью!

– Ой, спасибо! – я закрыл глаза, выдохнул и выпил залпом ее снадобье, терпкое и горькое. – Фу! Что за гадость?!

– Прямо по коридору и налево! Быстрее! – скомандовала она, тогда как я еле сдерживал рвотные позывы. – Налево! И не благодарите!

Я побежал прямо по указанному курсу, расталкивая медлительных отдыхающих. В конце пробежки меня ждал «белый друг» в отличной уборной. Жаль, что я не смог в полной мере насладиться интерьером. Наобнимавшись с унитазом вдоволь, я наконец распрощался с литром хлорированной воды и сегодняшним завтраком. Последний было жалко, но оно того стоило: теперь я был абсолютно здоров и весел, громко благословляя рыжую барменшу с ее чудесным снадобьем.

– Что опять? – возмутился я, с ужасом схватившись за живот.

Но тревога была ложной, я просто икнул, закашлялся, и на мою раскрытую ладонь упала небольшая золотая монетка. На ней был какой-то доисторический узор и красивая надпись на неизвестном языке, которую я не смог не только перевести, но и правильно прочесть. Но я не помню ничего о том, где я ее взял и, тем более, как проглотил.

– Интересно, это и есть собственность блондинки? – бормотал я себе под нос, засовывая монету в задний карман потрепанных джинсовых шорт.

Глава 2. Большой концерт

К несчастью, туалет оказался женским, и, когда я вышел из кабинки, уборная была полна визжащих дам. Благо, я быстро бегаю. За углом коридора я сбил полного темнокожего паренька в строгом темном черном костюме и белой рубашке.

– Мистер Хомкинс? Лео Хомкинс? – спросил он, поднимаясь на ноги, пока я бормотал свои извинения. – Вы ничего не забыли?

«И этот туда же!» – с ужасом подумал я, быстро достал свое недавно обретенное сокровище и тут же его проглотил – подальше положишь, поближе возьмешь:

– Я ничего не знаю ни о каких монетах!

Темно-карие глаза парнишки расширились от удивления, я подумал, что он сейчас развернется и убежит, но не тут-то было:

– Вы должны быть в зале! И в костюме! Идет презентация произведений финалистов!

– Что?! Ой! – я с ужасом взглянул на часы: самое важное событие в моей жизни уже подходило к концу, а я даже еще не погладил костюм. – Уже половина третьего! Я сейчас вернусь!

– Нет, Мистер Хомкинс, – парень схватил меня за руку и потащил за собой, – ваша очередь еще не прошла: финалисты в конце списка!

– Кто?! – я не верил ни своим ушам, ни своему английскому. – Эй, полегче! Я иду!

Он дотащил меня до высокой двустворчатой двери, которая была приоткрыта; в щелку виднелись многочисленные ряды кресел, яркий свет прожекторов, вечерние платья, дорогие костюмы и белые воротнички. Я ни за что туда не войду в своих шортах и мятой пестрой футболке. Более того, я не был причесан, и мои непослушные темные волосы почти доставали до плеч, а челка то и дело спадала на глаза.

– Не сюда, Мистер Хомкинс! – шепотом скомандовал мой собеседник, хватая меня за плечи и направляя к другой, менее заметной двери. – Так быстрее!

Я молча кивнул, надеясь, что это был черный вход на самые последние ряды с незаметными местами. В зале заиграла классическая музыка, по сцене загуляли прожектора, раздались послушные аплодисменты.

– На сцену приглашается Даниэль! – объявил в микрофон приятный мужской голос с идеальным английским произношением.

Ответом была тишина. Я вздрогнул. Мой компаньон тихонько прикрыл за собой дверь, оставив нас в полумраке длинного коридора, ведущего напрямик на сцену. Этот черный вход был вовсе не для гостей, а для самих выступающих.

– Итак, поприветствуем! Даниэль! – повторил ведущий, и снова зазвучали аплодисменты.

– Так! Сейчас мы посмотрим, с кем меня перепутала блондинка! – бормотал я себе под нос, стоя в конце коридора перед самой последней дверью, ведущей напрямик на сцену.

Я имел наглость ее приоткрыть и уставить в образовавшуюся щелку. В огромном зале не было ни одного свободного места, сверкали вспышки фотоаппаратов, мерцали огоньки камер. Прямо перед сценой стояли плотные ряды прессы с микрофонами. Однако этот Даниэль так и не появился. Ведущий – высокий седовласый мужчина – стоял в полном одиночестве на сцене, украшенной цветами и подсветкой.

– Даниэль! – снова повторил он, все крепче сжимая в руках микрофон.

– Да где этот пижон? – прошептал я, все шире и шире открывая дверь.

– Давай! – прошептал мой компаньон, со всего размаху толкнув меня сзади.

Дверь широко распахнулась, и Леонид Хомкин во всей красе вылетел прямо на сцену, едва не сбив ведущего с ног. Зал разразился самыми искренними аплодисментами.

– Даниэль! Вы нас заинтриговали! – улыбнулся он, а затем добавил мимо микрофона. – Ты в порядке, парень? Все нормально?

– Все okay, – соврал я, поднимаясь на ноги и жмурясь от света прожекторов; мне пришлось тихо добавить, – что я должен делать?

– О, Даниэль! Мы все с нетерпением ждем презентации вашего произведения! – улыбнулся ведущий. Зал снова зааплодировал. – Сегодня мы выберем тройку финалистов! Вы в числе главных претендентов! Мы слушаем! Но сначала – пара слов о себе!

– Меня зовут Леонид, – представился я, зал напряженно притих, мелькнуло пару вспышек камер, – я из Москвы!

Раздались очередные аплодисменты, затем – мертвая тишина.

– Немного обо мне. Краткость – сестра моя. А теперь само произведение.

Эта фраза доставила слушателям больше удовольствия, чем все сегодняшние длинные скучные речи: зал взорвался аплодисментами. И я впервые улыбнулся, поправив непослушные волосы. Сейчас мне предстоит самый серьезный экзамен по английскому языку: именно на нем предстояло рассказать все от начала до конца. Благо перед отъездом я успел потренироваться несколько раз. И как я только мог забыть про презентацию?

– Сказка «Кривое зеркало», – начал я, сосредоточившись на дальней стене зала, – в Беззеркальном Королевстве совершенно не было зеркал. Там жил принц с добрым сердцем, но совершенно безобразным лицом. Каждый раз он горько плакал, глядя на свое уродливое отражение, вытаскивал меч и разбивал жестокое зеркало, – я перевел дыхание. Впрочем, среди слушателей не было ни друзей, ни знакомых. Я продолжил:

– Так в том королевстве не осталось ни одного зеркала, и королевский зеркальщик был вынужден голодать без работы. С надеждой и упованием на чудо он послал ко двору принца свою единственную дочь – неопишемую красавицу. Но девушка была с рождения слепой и полюбила безобразного принца, который тут же влюбился в нее.

Озвучиваемая перед многочисленными слушателями, моя история отнюдь не казалась такой гениальной, какой прежде выглядела в глазах автора. Но ничего, двадцать минут позора – и я свободен. К счастью, я пока не заметил присутствия в зале своей недавней знакомой.

– Дело шло к свадьбе, были приглашены все жители королевства, и лишь старого зеркальщика принц не хотел видеть. Тогда его прекрасная невеста тайно заказала у отца кривое зеркало, которое искажало изображение так, что принц выглядел красавцем, а все остальные – уродами, – продолжал я, сам не понимая, как такое произведение могло попасть в финал.

– Зеркальщик выполнил ее просьбу: огромное кривое зеркало отнесли во дворец и поставили прямо перед принцем.

Зал молчал; я облизал свои сухие губы, набрал в легкие побольше воздуха и... заметил прямо передо мной в числе именитых критиков и журналистов золотые локоны моей сегодняшней прекрасной обидчицы. На ней было легкое голубое платье, на тонкой шее блестело дорогое украшение. Едва ее взгляд встретился с моим, она мило улыбнулась и кивнула, чтобы я продолжал. И мне ничего больше не оставалось:

– Огромное кривое зеркало отнесли во дворец и поставили прямо перед принцем, – повторил я, переминаясь с ноги на ногу и пытаясь вспомнить конец:

–

Принц сначала схватился за меч, дабы это зеркало тоже разбить, как и все остальные, но невольно залюбовался своим прекрасным отражением. Вдруг рядом с собой он увидел страшное мерзкое чудовище. Вскрикнув, принц выхватил меч и, развернувшись, на лету отрубил монстру голову. Но перед ним лежало лишь обезглавленное тело его возлюбленной, образ которой исказило до неузнаваемости кривое зеркало.

Но я так и не рассказал эту концовку: уж очень были напряженные лица в зале, пугающе мертвой была тишина. Нет, я не писатель, скорее отличный вун: я могу рассказать одну и

ту же историю тысячу раз с разным началом и концом. Особенно я усердствую, когда меня просят рассказать о себе. Я забываю свои истории и, признаться честно, от начала до конца не помню ни одной.

Однажды на школьном уроке литературы я совершенно забыл конец знаменитой сказки «Волшебник Изумрудного города». И вместо того, чтобы отправить главную героиню в выжженный солнцем Канзас, я переместил всех ее родственников в роскошный Изумрудный город. Так казалось гораздо логичнее: в сказке было жить легче и веселее. Но учительница совершенно не оценила моей находчивости и вкатила мне тройку: мол, чтобы уважал классиков.

– Не волнуйтесь, Даниэль, – услышал я знакомый женский голос, одновременно взволнованный и приятный, – продолжайте! Что было дальше?

Я вздрогнул: моя блондинка в легком голубом платье стояла почти у самой сцены, приветливо глядя на меня и мило улыбаясь. Сомнений быть не могло: это точно она, хоть и сменила свой испанский на мой родной язык. Я вышел из яркого круга прожектора, дабы не было видно, как пылают мои щеки, и продолжил свою историю:

– Принц невольно залюбовался своим прекрасным отражением в зеркале. Вдруг рядом с собой он увидел страшное чудовище, такое ужасное и мерзкое, что он, не смея обернуться, выхватил меч, и на лету вдребезги разбил кривое зеркало.

– Довольно зеркал в моем дворце! – вскричал он, стоя среди осколков. – Они все лгут, скрывая сердца под масками!

Принц опустил меч и улыбнулся: перед ним стояла его возлюбленная, прекрасный образ которой исказило до неузнаваемости кривое зеркало.

Мораль: не верьте зеркалам, они не отражают вашего сердца.

Я закончил, ожидая от зала чего угодно: свиста, оваций, вопросов, но ответом была жестокая гробовая тишина. Неужели никто ничего не понял? Неужели мой английский оказался настолько плох? Я закрыл глаза, мечтая провалиться в трюм корабля или еще дальше – в самые глубины Средиземного моря.

Прямо перед сценой раздались одинокие, но громкие хлопки ладоней. Это блондинка, все так же мило улыбаясь, подарила мне первые сомнительные аплодисменты. Вскоре к ней присоединились еще несколько человек, затем еще и еще, пока не зааплодировал весь зал.

– Даниэль, вы так непредсказуемы! – очнулся ведущий, блестя своей фирменной улыбкой – На конкурс было заявлено совсем другое произведение!

Я уставился на него, глупо моргая. В этот момент в глубине сцены на огромном экране высветилось:

«Автор: Dany L.

Произведение: «Viva, Selestia»

Я бы мог быстро извиниться и уйти со сцены, сказав, что нечаянно перепутал свой выход и никакого отношения к этому «Dany L.» не имею. Я вообще сначала подумал, что он и есть тот самый Daniel. Но тут рядом с именем появилось мое огромное фото из школьного выпускного альбома. Не самое ужасное, правда, однако его оказалось достаточно, чтобы полностью развеять все сомнения зала о том, кто стоит на сцене. Большие зелено-карие глаза смотрели испуганно и удивленно, темно-каштановые волосы были зализаны назад, ворот белой рубашки оказался небрежно расстегнут.

– Но... – только и смог выдохнуть я; по залу не в первый раз пробежал легкий шёпот, – что за?

– Леонид, у меня вопрос, – спас положение ведущий, – ваш псевдоним. Как вы пришли к нему? Что скрывается за этой таинственной буквой L?

– L? – начал я, пытаясь найти хоть одно вменяемое объяснение всему происходящему, и решил играть в эту игру до конца. – L – это первая буква моего имени. Точно!

– Спасибо, Леонид, – вмешалась блондинка, ее изумрудные глаза насмешливо блестели из-под густых темных ресниц, – значит, вы использовали буквы своего имени для псевдонима? Просто поменяли их местами?

– Да... да, точно! – ответил я, мысленно трансформируя «Леонид» в «Даниэль». Сошлось все, кроме буквы «А».

Видимо, зрители сделали то же самое, потому что в зале снова раздались аплодисменты.

– А сейчас попросим наших финалистов буквально на пару минут покинуть помещение, – улыбнулся ведущий, – жюри надо будет сосредоточиться, чтобы выбрать тройку победителей! Желаю всем удачи!

Я облегченно прыгнул со сцены и, постоянно извиняясь, направился в зал, точнее к выходу из него. Быстрее пули я выскочил из высоких створок двери, тяжело дыша и радуясь, что моего побега никто не заметил. Но не тут-то было.

– Первая версия сказки мне нравилась больше, – услышал я приятный женский голос рядом, – там было больше правды, Дани.

– Леонид! – обернулся я к блондинке, девушка стояла в дверях, небрежно пиная какой-то кабель носком своих бархатных синих туфель на высоченной шпильке. – Я не знаю никакого Даниэля! И знать не хочу! Я не писал «Viva Selest»! Я даже не знаю, что это значит! Эй, осторожнее!

Блондинка растормошила кабель до такой степени, что из него посыпались искры. Она небрежно выпихнула его в коридор, вышла сама и прикрыла за собой дверь. Ее глаза были голубыми, как сапфиры, длинные светлые волосы по-прежнему были распущены, золотым водопадом разбегаясь по стройным плечам. Легкое голубое платье на греческий манер было перетянуто широким кожаным ремнем, за которым торчала рукоять ее изящного клинка. Она мило улыбнулась.

– Конечно, ты ничего не писал, – вздохнула девушка, ее глаза смотрели на меня с жалостью, – глупый, ты даже не знаешь, что Селеста – это я. Но ты быстро учишься и скоро все поймешь!

В этот прекрасный момент дверь распахнулась, и в коридор выскочил полный темнокожий парень, тот самый, что нашел меня и привел в зал:

– Мистер Хомкинс! Дэнни! – сказал он на английском, захлопывая за собой дверь. – Все вышли через другую дверь! Вы должны быть... ай!

Но он так и не сказал, где я должен быть, наступив ботинком на оголенный кабель, тот самый, что вытащила в коридор Селеста. Напряжение было высоким, парня стало трясти, запахло паленым. Недолго думая, я схватился за провод обеими руками и дернул его изо всех сил. Из моих глаз полетели искры и слезы, ладони сильно обожгло, и я выпустил провод из рук, вовремя облокотившись на стену. Парнишка тоже потерял равновесие и шлепнулся на пол, однако, теперь под ним не было оголенного кабеля.

– Спа... спа... сибо! – промямлил он, все еще трясясь от пережитого потрясения.

– Пожалуйста, – ответила Селеста на английском без акцента, помогая ему встать на ноги. Я заметил, как блестели ее черные, словно угли, глаза, – а теперь иди к остальным, Сэмми, и впредь смотри себе под ноги!

Парнишка что-то пролепетал по-детски пухлыми губами и послушно направился в зал, аккуратно прикрыв за собой дверь. Последнее, что я видел, это его огромные карие глаза, чистые и наивные, полные испуга и искренней благодарности. Парень чуть не погиб из-за этой...

– Что тебе надо? – я посмотрел прямо в огромные глаза девушки, к этому моменту опять ставшие голубыми. – Кто ты? Ай!

Мои ладони драло так, словно они побывали в кислоте: поперек каждой сиял длинный кровавый ожог – цена спасенной человеческой жизни.

– Один – ноль, Лео, – улыбнулась девушка.

– Отвали от меня, чокнутая! – прошипел я, тяжело дыша; сердце стучало, как после марафона мистикой, в которую я совершенно не верил.

Ее улыбка мигом исчезла, уступив место неприятно-удивленному выражению.

– Как скажешь, – сухо ответила она, откидывая кончиком туфли в сторону искрящийся провод, затем развернулась и направилась в зал, – смотри, обижусь – сильно пожалеешь!

Дверь тихонько захлопнулась, оставив меня в коридоре наедине с собственной тенью. Ну вот, испортил блондинке настроение и так ничего и не узнал. Кто же эта Селеста? Почему у нее постоянно разный цвет глаз? Навороченные линзы-хамелеоны? И, самое главное, что же она хотела получить от меня до заката? Нет, я скорее спрыгну с корабля в море, чем расстанусь с монеткой из чистого золота!

– Здравствуй, Лентя! – услышал я над ухом противный гнусавый голос, сильные руки обхватили мои худые плечи. – Прогуляемся?

– Толик! Отвали! – запротестовал я, но было поздно: крепкий кулак со всего плеча въехал мне в живот, согнув меня пополам. – Ай! За что?

– За «Viva Selest»! – ответил гнусавый бас, толкая меня в темный конец коридора.

– Это не мое! – оправдывался я, в глазах потемнело от боли.

Анатолий Орлов, или просто Толик – здоровенный верзила с железными бицепсами, бычьей шеей и куриными мозгами в белобрысой башке. Он с рождения занимался боксом, ежедневно тренируясь на таких, как я. Лишь однажды более крепкий кулак, (жаль, что не мой) сломал ему нос, отчего Толик теперь постоянно гнусавил. Как и предыдущие пять лет, мой план был прост – не злить его. Однако в моем положении от этого было мало толку. В мой пустой живот последовал очередной каменный удар, и я снова согнулся.

– Это тебе за «Кривое зеркало»! – усмехнулся он. – А за то, что меня теперь не пускают в аквапарк, я подкрашу твой нос!

– Продолжишь внизу, – скомандовал резкий голос, – нас могут услышать!

Я тут же разогнулся: передо мной в просторном лифте с открытыми дверями, лениво опираясь на стену, стоял рыжеволосый парень в черном смокинге. Сероглазый смазливый пижон, король вечеринок, единственный избалованный сын богатого отца – Вадим Степкин. О, такого врага никому не пожелаешь. Но, к сожалению, мы с ним были знакомы еще со школы.

– Хомкин! – он оглянулся по сторонам и перешел на шёпот. – Ты же знаешь, как мне нужен этот приз! Знаешь, что у моего отца большие планы на меня! Какого черта ты мешаешься под ногами?

– У меня тоже есть отец и планы, – гордо выпрямился я и тут же согнулся от Толькиного удара, двери лифта закрылись, и мы стали быстро опускаться вниз.

– Viva Selest?! – визжал Вадим. Пользуясь моим согнутым положением, он отвесил мне звонкую пощечину. – Ты откажешься от авторства раньше, чем ступишь на сцену, ясно?

И быстрее, чем я успел ответить, двери лифта распахнулись, впуслав внутрь соленый морской воздух. Толик грубо выпихнул меня на мокрую палубу: мы были в районе машинного отсека, полного проводов, канатов и механизмов неизвестного мне назначения. Я кубарем покатился по мокрому холодному полу, чудом затормозив прямо перед спуском в воду. Кажется, именно отсюда на крепкой цепи в море выбрасывается тяжелый якорь. И сегодня я был вместо него.

– Ты не появишься в зале, когда прозвучит это глупое «Дани Эль», – ехидно сказал Вадим, оглядываясь, двери лифта послушно захлопнулись, – мы об этом позаботимся! Раскрась его!

Но на этот раз я был готов, и что есть силы ударил лбом в переносицу Толика. Здоровяк противно взвизгнул, из носа хлынула кровь. Вадим трусливо попятился назад, упершись спиной в какой-то пульт управления, но вроде не нажал ни одной кнопки. Бежать было некуда:

впереди – открытое море, сзади – плотно закрытые двери лифта, слева – стена с пультами, справа – Толик, размахивающий тяжелым гаечным ключом.

– Ты труп! – ревел он, растирая кровь по щекам. – Второй раз сломал мне нос!

Я несколько не сомневался в его словах, кое-как уворачиваясь от тяжелого гаечного ключа. Попадая в металлические трубы, он высекал яркие искры.

– Замочи его! – вопил Вадим, чье смазливое лицо исказила страшная ненависть и злоба.

– Убей его! – вновь раздался резкий хриплый крик, похожий на карканье вороны.

Драка мигом прекратилась, и все трое, как один, обернулись на звук. Прямо над выходом в море на старом облезлом канате сидел крупный черный, как ночь, ворон с красными глазами. И между них, четко в середине лба блестел молочно-белый третий глаз.

– Кыш! – Толик замахнулся на птицу тяжелым гаечным ключом.

– Зря! Зря! – прокаркал черный вестник незримой беды, но не сдвинулся с места.

– Заканчивай с ним! – скомандовал Вадим, отряхивая свой новенький фрак. – Нам пора в зал!

– Нет, пожалуйста! – закричал я, прижимаясь спиной к мокрой холодной стене.

Толик последний раз замахнулся своим гаечным ключом. Моя правая рука в агонии наткнулась на какой-то небольшой рубильник с синей пластиковой ручкой. Закрыв глаза, я надавил его что есть силы и тут же инстинктивно резко отпрыгнул в левую сторону. Справа от меня раздался громкий скрежет гаечного ключа по металлу. Они что, и правда решили меня убить?

Если да, то от этого меня спасла всего лишь случайность. Ожидая очередного удара, я резко открыл глаза.

На нас с приличной скоростью летел Вадим, лихо подцепленный под ребра огромным ржавым крюком. Я и Толик еле успели отскочить в стороны, как бедняга с тихим стоном пролетел мимо нас, оставляя на полу яркую полосу алой крови. Очутившись над морем, жертва зависла над морем, качаясь, словно на качелях. Послышался громкий хруст, пара ребер не выдержала силы гравитации, и парень с громким криком полетел прямо в волны.

– Все из-за тебя, ушлепок! – заорал Толик и отвесил мне кулаком в челюсть. – Ты виноват...

Но в чем именно моя вина, он так и не ответил: кровавый тяжелый крюк по инерции вернулся и со всего разгона ударил Толика по затылку. К счастью, не острой стороной, а то бы я был забрызган его мозгами, если таковые, конечно, имелись. С широко раскрытыми, скорее от удивления, чем от боли, глазами, парень повалился на живот. Злополучный гаечный ключ со звоном поскользился по полу. Я опустил перед бездыханным телом на колени и тяжело сглотнул собственную кровь. Последним ударом Толик разбил мне нижнюю губу.

– Он мертв, – донесся сзади знакомый приятный голос, – два – один.

Я обернулся: двери лифта были открыты, внутри стояла Селеста, словно прекрасная белокурая богиня, в своем легком голубом платье. Глядя в ее черные, как беззвездная ночь, глаза, я невольно залюбовался, совершенно позабыв обо всем случившемся. Но затем разум взял вверх:

– Может быть, он просто в коме, – запротестовал я, щупая запястье мальчишки – пульс молчал, – мы не можем его тут бросить!

– Мертв, мертв! – прокаркал черный трехглазый ворон и тут же улетел в море.

– Что происходит? – я вскочил на ноги, чувствуя, как по подбородку бегут капли крови. Девушка сделала пару шагов мне навстречу. – Нет! Стой там! Ты убила их? Убийца! Ты же понимаешь, что у них есть семьи? У матерей больше нет сыновей! У сестер – братьев!

– И у тебя больше нет врагов, – вздохнула Селеста.

Мне было нечего сказать. Девушка подошла вплотную к маленькому рубильнику, который я совсем недавно нечаянно нажал, и переключила его в обратное положение. Мощный

окровавленный крюк дернулся, словно живой, и послушно вернулся на место, пролетев мимо меня. Я чудом успел вовремя отпрыгнуть, жалуюсь:

– Эй, полегче! Он только что выкинул парня в море!

– Вообще-то, если воспринимать вещи формально, то это ты убил их, – вздохнула Селеста, словно я разбил два стакана, а не человеческие жизни, – помнишь, как ты дернул рычаг, Лео?

Я молча опустил глаза. Она права: я разделался со своими врагами собственноручно.

– Пошли наверх, – холодно сказала девушка, стройная и прекрасная: ее место было среди огней палубы, а не холодного машинного отсека.

Створки лифта бесшумно разъехались, Селеста развернулась и быстро вошла в светлую кабину.

– Но мы не можем его тут бросить! – воспротивился я, зная, что рою себе могилу. – Нужно позвать на помощь! Хоть кого-то!

Девушка, не смотря в мою сторону, нажала на кнопку связи с лифтером и громко доложила:

– Минус второй этаж, тут труп на палубе, разберитесь.

– Что? Кто говорит? – раздался взволнованный женский голос, исковерканный динамиком.

Но Селеста уже отпустила кнопку, разорвав связь. Я кинулся к ней, мои руки дрожали, а ноги подкашивались. Да, эти парни были плохими. Да, многим было бы легче без них, но... они не заслуживали смерти. Тем более на таком прекрасном корабле, как «Игра Богов». Я взглянул в невинные голубые глаза Селесты и разом проглотил все, что хотел сказать. С моих губ сорвалась лишь одна, пожалуй, самая глупая фраза:

– Крутые линзы! То есть... глаза! В смысле... линзы. Наверное! – я мялся, как дурак, а она криво улыбалась. – Зачем они постоянно меняют цвет? Вот, недавно черные были, как кока-кола!

Девушка удивленно подняла вверх тонкую правильную бровь, молча схватила меня за руку и втащила в лифт. Легкие створки двери бесшумно закрылись, и мы тут же поехали вверх.

– Черные глаза – чтобы видеть души, – спокойно сказала она, словно речь шла о линзах.

Глава 3. Ужин со смертью

Я уставился на нее, и по моей спине побежали мурашки. Зеленоглазая и златовласая, она была, пожалуй, слишком красива, чтобы я мог нормально соображать. Внезапно мое внимание привлекли мелькающие ярко-синие цифры, что отсчитывали этажи. Сейчас там вспыхнула яркая цифра «3», и двери приветливо разъехались.

– О, нет! Я не пойду в зал! – возмутился я. – Ни за что на свете! Ай!

Селеста одарила меня усталым взглядом, словно непослушного маленького ребенка, и бесцеремонно вытолкала в коридор.

– Не бойся, малыш, мои глаза пока останутся голубыми, – успокоила она, а затем хитро улыбнулась, – до заката еще четыре часа.

– Эй! Как... ты что? – в минуты волнений я был особенно красноречив. – Я не пойду с тобой никуда!

– Неужели тебе не интересно, кто выиграл главный приз? – спросила Селеста, широко распахивая двери в зал.

Мне ничего не оставалось, как стиснуть зубы и послушно сделать вид, будто результаты конкурса меня волновали гораздо больше, чем возможный конец моих дней на закате.

– Поздравляю, Сэмми, вы наш финалист! – искренне радовался ведущий, ему вторили громкие аплодисменты. – Поздравляю!

– Спасибо! Я очень рад! – взволнованно повторял полный темнокожий паренек, тот самый, что притащил меня в этот зал. – Надеюсь, вы надолго запомните мою работу. Но сейчас на этой сцене, рядом со мной, должен стоять один человек, без которого я не смог бы появиться перед вами.

В зале послышались восклицания, ведущий снова забыл, о чем говорить, поэтому сделал шаг назад, дабы микрофон не попал к нему в руки. Сэмми взволнованно оглядел зал карими блестящими глазами. За его спиной с ноги на ногу переминались стройный мальчик-японец и светловолосая кудрявая девчонка, занявшие второе и третье места.

– Меня с моей глупой сказкой никто и не собирался называть! Я не попал в финалисты! – возмущенно зашептал я, и Селеста кивнула мне. В тусклом свете коридора ее волосы казались серебряными. – Это значит... Вадим и Толик погибли зря.

– Даниэль! Мистер Хомкинс! – объявил Сэмми в микрофон, и в зале наступила гробовая тишина. – У меня для вас есть награда за мою спасенную жизнь!

– О, нет! – прошептал я, пятясь назад, и тут же наступил Селесте на ногу, – Я же без костюма и весь избитый!

– Даниэль! Мистер Хомкинс! – вторил зал: все были заинтригованы.

Я, подгоняемый в спину тычками Селесты, послушно вылез на сцену и заулыбался так широко, что моя разбитая губа снова лопнула. Впервые за свою недолгую жизнь я очутился на теплоходе, спас жизнь человеку и выиграл приз. Селеста сидела на первом ряду среди людей в дорогих пиджаках и платьях; ее улыбка и внимание всецело принадлежали мне. Я полностью жил этим мгновением, позабыв, как страшный сон все, что случилось в машинном отсеке, и нисколько не омрачая свой разум мыслями о приближающемся закате. Я, обычный мальчишка, впервые очутился в море на роскошном корабле, и теперь я в центре всеобщего внимания. Щелкали камеры, мелькали микрофоны, сыпались вопросы, блестели улыбки.

– Viva Selest! – в сотый раз декламировал ведущий, едва смолк взрыв аплодисментов.

– Да здравствует смерть! – раздался над моим ухом тихий шепот, и я резко обернулся.

Позади меня стоял парнишка-японец, стройный и величественный, будто юный принц. В его черных глазах мерцали вспышки камер, а на серебристо-сером пиджаке сверкали бейджик с изящными иероглифами. Косясь и щурясь, я смог лишь прочесть его имя в английском вари-

анте: мистер Акира Ямамото. Как позже выяснилось, парень сделал отличный комикс-мангу, презентацию которого я удосужился полностью пропустить. Нет, японец стоял уж слишком далеко, чтобы что-то прошептать мне на ухо. Но кто же тогда? Кудрявая девочка сейчас вообще была на другом конце сцены.

Как только презентация закончилась, я, в мятой футболке и шортах, быстро спрыгнул в зал, изо всех сил пытаясь слиться с толпой в дорогих костюмах. От своей назойливой блондинки я кое-как сбежал, но не тут-то было.

– Далеко собрался, Леонид? – передо мной стоял Сэмми, на смуглом лице которого сияла искренняя белоснежная улыбка.

– Нет, недалеко, – выдохнул я, резко затормозив перед ним. Сейчас, чтобы выиграть время, нужно было срочно задать парню какой-нибудь сложный вопрос, например, – я просто... Сэм, у тебя же есть семья? Родители?

– Да, конечно, – нахмурился он и тут же улыбнулся, – четверо младших сестер! Мы растем без отца, я – единственный кормилец в семье. Вся надежда на мои рукописи.

– Тогда зачем ты это сделал? Зачем отдал мне свое место?

– О, не волнуйся! – улыбнулся парнишка; его черные глаза блестели. – Я уже подписал достаточно контрактов! И благодаря тебе теперь смогу лично получить все гонорары! А как насчет тебя?

– У меня есть младшая сестрénка, – перевел я тему, чувствуя себя самым никудышным братом в мире, – ей сейчас девять. Я... обязательно ей что-нибудь куплю. Эй, мистер, подождите!

Я окликнул проходящего мимо японца, который мило беседовал на английском с двумя девушками. Все трое, вежливо улыбаясь, мигом развернулись в мою сторону.

– Мистер... Мамото, – начал я, читая надпись на его бейджике, а затем добавил на чистом русском, – Вы знаете мой язык? Это вы кричали «Да здравствует смерть»?

Молодой японец нахмурился: было видно, что из пары последних предложений он не понял ни слова. Девушки удивленно переглянулись между собой, пожимая плечами.

– Если вы о моей манге «Цветы сакуры», – спас положение Акира, который, видимо, решил, что мой английский совсем плох, – то она давно гуляет по Интернету. Просто правильно введите мою фамилию – Ямамото. Или просто – Дракон.

– Спасибо, – поблагодарил я, провожая троицу глазами, и добавил про себя, – значит, это не ты шептал за моей спиной. Но тогда кто?

– Сэм, мне нужна твоя помощь, – начал я, совершенно ни на что не надеясь, – какой официальный язык этого концерта, то есть конкурса? Все произведения подавались строго на английском языке? Или еще на каких-то?

Парнишка нахмурился, задумавшись, а затем резко обернулся в сторону сцены. Там на огромном экране до сих пор светились имена финалистов. И самым первым в списке был я:

«Автор: Dany L.

Произведение: «Viva, Selesta»

Язык оригинала: испанский»

По моей спине побежали мурашки: я не только не был автором собственного произведения, но и не смог бы его прочитать. Значит, этот Даниэль, ее любовник или кто-то еще, сговорился с моей блондинкой. Он написал за меня произведение и отправил сюда, подменив мое «Кривое зеркало», тем самым сделав меня финалистом. Во что бы то ни стало, но я должен был попасть на этот корабль. Но для чего? Наслаждаться морем и солнышком? Нет, вероятно, чтобы меня тут нашла блондинка. Но зачем? Чтобы терроризировать меня и заниматься вымогательством? Требовать того, не знаю чего?

Сэмми, из вежливости не желая оставлять меня одного, с энтузиазмом рассказывал что-то на английском. Я кивал и поддакивал, прячась за его широкой спиной, и лихорадочно ози-

рался по сторонам. Селесты нигде не было видно, зато я тут же заметил знакомую черную ворону. Она безнаказанно угощалась закусками-канапе и за раз выхлестывала рюмку дорогого коньяка. Наглуую птицу, кажется, никто не замечал, а вот она не сводила с меня своего третьего молочно-белого глаза.

– Кажется, ты ей нравишься, – понимающе подмигнул мне Сэмми.

Я вздрогнул, в висках бешено скакал пульс, во рту пересохло. Я уже почти придумал, что ответить парню, как вдруг кто-то резко схватил меня за локоть.

– Так вот ты где, – сказала Селеста, сияя очаровательной улыбкой и сжимая мою руку так, что та грозилась сломаться, – извини нас, Сэмми, но Дани пригласил меня в ресторан.

– О, понимаю, – кивнул парнишка, и его смуглые полные щеки покраснели, – удачи, Лео!

С этими словами Селеста повела меня прочь из зала. Я сопротивлялся, как мог, спотыкаясь о ковер и задавая самые глупые вопросы:

– Кто ты? Что тебе надо? Где твой любовник Даниэль? Я позову полицию! Отвали от меня! Ты ломаешь мне руку!

Она не обращала на меня внимания, а зал провожал меня завистливыми и раздраженными взглядами. Наконец, за нами захлопнулись створки двери, и зал оказался отрезан от нас, равно как и надежда позвать на помощь. Пришлось импровизировать.

– Отпусти мою руку, красотка, – сказал я своим самым, как мне казалось, заигрывающим тоном, – без тебя мне не выжить и секунды!

Селеста удивленно подняла вверх свои тонкие брови. Ее ярко-зеленые глаза, к счастью, не черные, смотрели одновременно дружелюбно и насмешливо.

– Вот как? – улыбнулась девушка, и я сам тут же поверил в свои слова.

Внутри меня что-то вспыхнуло, ярко и горячо, и я неохотно отвел глаза. И... поступил так, как я обычно поступаю с красивыми девушками, которые меня заметили.

3... 2... 1... Чудовищным усилием воли я оторвал ноги от пола и понесся что было силы по коридору, задержав дыхание и не оглядываясь. Не чувствуя ног и никого не замечая, я летел вверх по лестнице, задыхаясь от волнения и усталости. Передо мной постоянно возникали черные, как уголь, глаза Селесты. В ушах, словно кошмарное эхо, без устали каркала ворона: «Да здравствует Смерть!»

Я остановился на палубе, переполненной отдыхающими и визжащими от восторга детьми. Куда дальше? Все кончено, я – труп. Мне не убежать от нее – это же корабль!

Обреченно я поплелся в свой номер: запрусь и спрячусь под кроватью. Наивно, глупо, но, может, сработает. Я осторожно прокрался по коридору, пулей прошмыгнул в свою комнату и захлопнул за собой дверь. Дрожащими руками я закрыл замок на все обороты, затем на цепочку и, наконец, подпер дверь стулом. Внутри царили тишина и покой, монотонно жужжал кондиционер. Кто-то убрался в мое отсутствие: в номере царил полный порядок, такой идеальный я впервые видел в своей жизни. Ну вот, теперь точно ничего не найду.

Легкие кремовые жалюзи плотно закрывали огромное окно во всю стену. Впрочем, балконная дверь была приоткрыта, оставляя на блестящем полу красную полоску ярко-красного заходящего солнца. Что? Солнце уже садится?! Закат!

Как ошпаренный, я подбежал к окну и резко распахнул балконную дверь настежь. В следующую секунду на мою голову свалился пластиковый карниз. Жалюзи, жалобно шурша, разлетелись по полу. Тишину разорвал громкий звенящий смех. На широком балконе, прислонившись спиной к прозрачным стеклянным перилам, стояла Селеста и заливалась так, словно я вдруг обернулся танцующим кенгуром с павлиньим хвостом.

– Ты... ты просто великолепен! – задышалась она от смеха, склонив голову на бок, как щенок, пока я распутывал жалюзи, – Соскучился?

– Что тебе надо? – пробормотал я, но, несмотря ни на что, каким-то странным образом я все-таки действительно был рад ее видеть, – Солнце еще не село! Пошла вон!

Она подошла к шкафу и вынула оттуда новенький стильный костюм, черный в металлически-серую полоску. За ним последовала белоснежная рубашка, уже наглаженная и с накрахмаленным воротником. Такого у меня никогда в жизни не было. Я на секунду задумался, не влетел ли я с испугу не в свой номер. Но потом вспомнил, что ключ без труда подошел.

– У тебя есть три минуты, – улыбнулась Селеста, поправив ляжку своего легкого синего платья, ее правая бровь насмешливо поползла вверх, – или мне самой тебя одеть?

– О, нет! – выдохнул я с неприкрытым ужасом, безуспешно ища глазами ценник. – Я сам! Сколько это стоит?

– Не волнуйся, все оплачено, – улыбнулась она, так и не назвав мне его цену, – марш в ванную! По-спартански!

– Да, босс! – я закатил глаза, схватил костюм и прошмыгнул в ванную.

Пролезть в вентиляционную трубу и улизнуть мне не удалось, так что пришлось смыть кровь с лица, поправить шевелюру и надеть костюм – все, как она приказала. Однако, снова оказавшись в комнате, я твердо решил покончить с этими играми, громко заявив:

– Я никуда не пойду, пока ты мне не скажешь, что тебе надо? Куда мы идем? И кто ты вообще? Ведьма, да?

Селеста хохотала так звонко и долго, что мы едва не опоздали на все и вся.

– Ведьма? Я? – переспрашивала она, хихикая.

– Да! Ты! Или ты вампириша? – вкрадчиво спросил я. – А, может, тролль какой?

– Сам такой! – возмутилась Селеста, выливая на меня мои собственные скромные запасы одеколona. – На выход! Живо!

Она схватила меня под руку, чтобы я не сбежал, и повела куда-то по коридорам. Сопротивляться было бесполезно, и послушно шел, надеясь, что мы остановимся возле какого-нибудь бара, куда можно будет войти только с браслетом «все включено».

Но мои надежды не оправдались, и все планы накрылись медным тазом, как только мы подошли ко входу в ресторан «Амброзия» с парой журчащих фонтанов по бокам. Нас встретили услужливые швейцары, наряженные капитанами. Этот ресторан уж точно был «выключен» для таких, как я. Мою кислую рожу смягчала небесная улыбка Селесты, словно сахар – лимон:

– О, пища бессмертных олимпийцев! – сказала она.

– Судя по ценам, да! – ответил я.

Внутри оказалось еще хуже, чем снаружи, точнее, еще богаче и роскошней, а значит – дороже. Просторный зал, украшенный античными росписями, колоннами, цветами, фонтанами и аквариумами выше человеческого роста. Амброзия – это пища богов, соответственно стоило ожидать и заоблачных цен. Да еще и эта блондинка слопает в два раза больше, чем я. Ладно, быть может, мои гонорары будут не такими уж и мизерными. Или я наконец-то увижу этого Даниэля? Ох и влетит же ему!

Наш столик на двоих, пожалуй, самый уютный и дорогой, находился почти в центре зала около огромного фонтана. Недалеко, в специальной ложе, расположился настоящий оркестр, игравший тихую чарующую музыку в тон журчащей воде. Стол был заказан заранее, и нас уже покорно ждали улыбчивая девушка-официантка в пурпурной греческой тоге и очередной швейцар в капитанской форме. Я обреченно плюхнулся на стул и принялся с ужасом изучать цены в меню. Селеста быстро сказала что-то девушке, и та мигом отправилась на кухню. Швейцар, крепкий черноволосый мужчина тридцати лет, откупорил бутылку старого красного вина и услужливо разлил его в высокие тонкие бокалы.

– А он всегда будет тут стоять? – шепотом спросил я Селесту. – Может, ему тоже налить?

– Не надо наливать: он на службе, – покачала головой девушка; ее легкое синее платье как нельзя кстати подходило к роскошной античной атмосфере, – его задача – разливать вино и выполнять поручения. Не пыльная работа, отличное жалование.

– Да тихо ты! – зашипел я, косясь на швейцара, тот стоял с услужливой улыбкой на загорелом лице. – Он услышит! Подумает, что мы совсем деревня!

Селеста усмехнулась и потянулась к бокалу вина. Я бы предпочел никогда не узнать его стоимость.

– О, наш Лукас не особо разговорчив уже тридцать шесть лет, – ответила девушка, – он глухонемой с рождения. Здесь все швейцары такие. Так что можешь смело рассказывать свои тайны – не разболтает!

Я обернулся: почти около каждого столика был свой «капитан», глухой к чужим тайнам и немой, как могила. У длинного стола на двенадцать персон, что стоял в нескольких шагах от нас и еще не был занят, дежурила сразу пара швейцаров.

Подумать только! Сегодня я, обычный голодранец, получил первое место в престижном международном конкурсе, спас жизнь отличному малому, убил двоих плохих парней и теперь сижу в роскошном ресторане рядом с самой классной девчонкой на корабле. Я закрыл глаза, и передо мной тут же предстала картина подвешенного на крюке Вадима, задыхающегося и летящего в море. Затем распластавшийся на полу Толик, бездыханный и замолкший навсегда. Я тяжело вздохнул, схватил свой бокал и выпил залпом почти половину, напрочь позабыв о приличиях и стоимости содержимого.

– Эй, эй! Так не пойдет! – возмутилась Селеста, швейцар тут же наполнил мой бокал свежим вином. – Да что с тобой? Никогда не ужинал с девушкой?

Я посмотрел на нашего глухонемого слугу и предусмотрительно наклонился к Селесте:

– Я – убийца! – прошептали мои опухшие губы.

Селеста подняла вверх правую бровь. Что еще она могла сделать?

– О, нет, – ответила девушка, закатывая вверх чистые голубые глаза, – ты просто маленький напуганный мальчик. Сейчас я все исправлю. Лукас!

Она щёлкнула в воздухе пальцами, дабы привлечь к себе внимание швейцара. Тот запоминал каждое движение ее алых губ:

– Лукас, видишь вон тот маленький рычажок в конце зала? Тот с синей пластиковой ручкой? – Селеста указала на еле заметный рубильник на соседней стене, прикрытый от взглядов посетителей круглой античной колонной.

Его было невозможно не узнать. По моей спине пробежали крупные мурашки: рубильник был точь-в-точь как тот, что я нажал в машинном отделении.

– Опустить его! – скомандовала Селеста. Лукас перевел испуганный взгляд с ее губ на синюю ручку рычага. – Будь так любезен!

– Ты с ума сошла? – прошептал я. – Нас выгонят! Оштрафуют! Убьют!

– Лукас, ты еще здесь?

Швейцар тяжело вздохнул и неуверенно отправился выполнять поручение, очевидно, совершенно не представляя, что это за рубильник. Я же молился всем богам, чтобы по ресторану не полетели крючья на тросах: в зале сидело несколько десятков посетителей. Лукас остановился возле переключателя, огляделся по сторонам – никто ничего не заметил – последний раз обернулся на Селесту и нажал рубильник. В зале мгновенно погасло главное освещение: хрустальные канделябры, торшеры в виде факелов и прожектора. Наступил полумрак, горели лишь свечи на столах и подсветка фонтанов с аквариумами. Оркестр смолк, гости всполошились, обеспокоенные внезапным отключением оплаченного электричества в столь дорогом ресторане. Я был полностью уверен, что нас не только оштрафуют, но и посадят за такие фокусы. Хотя в темноте появилась отличная возможность сбежать. Недолго думая, я вскочил на ноги, но тут же плюхнулся обратно: Селеста крепко схватила меня за руку.

– Видишь, Лео, – тихо сказала девушка; при свете свечи ее глаза отливали золотом, – эти рычаги на корабле отвечают за освещение, а не за тросы с крюками. Когда ты нажал такой же в машинном отделении, то просто включил несколько фар у борта.

– Значит, я никого не убивал? – наконец дошло до меня. – Но тогда кто это сделал? Кто отпустил крюк?

Ответа не последовало. Где-то высоко под потолком захлопали птичьи крылья, черная тень пронеслась над столами. Я уже почти швырнул в темноту своим пустым бокалом, как в ресторане снова зажегся свет и заиграла музыка. Гости вернулись к тарелкам и разговорам, и мне пришлось вернуть свой бокал на место... Я чуть не закричал.

Глава 4. Орфей и Эвридика

Рядом с Селестой сидела девушка лет семнадцати, завернутая с ног до головы в зеленый плащ из какой-то красивой легкой материи. Из-под глубокого капюшона выбивались рыжие пряди выющихся волос. Зеленые, как морские глубины, глаза блестели от волнения. Я уставился на незнакомку, словно на восьмое чудо света: она была даже прекраснее моей блондинки, если такое только возможно. И откуда она взялась?

– Селеста, я прошу твоей помощи, – зашептала девушка на каком-то неизвестном языке, – от имени нашей великой Богини!

Странно, но я понимал каждое ее слово, просто смотря в эти бездонные омуты глаз. Девушка совершенно не замечала моего присутствия. Может, налить ей вина?

– О, сколько раз вам всем повторять, – вздохнула Селеста, кладя на чистую скатерть свой резной клинок с винтовым, но острым лезвием, которое тут же засияло ярким молочно-белым светом, – все, что ты видишь здесь, написано рукой самого Аида!

Откинув с лица длинную прядь белокурых волос, девушка быстро провела пальцем вдоль лезвия, на котором тут же ярко вспыхнула какая-то надпись на древнегреческом. Вокруг рукояти клинка стали разворачиваться кольца тонкого белого пергамента, до этого незаметно крепко свернутые в трубку.

– Вау! – выдохнул я, да так громко, что обе девушки обернулись. – Эм... привет!

– Замолчи! – сказали они хором и вернулись к своему разговору.

Селеста развернула часть белого свитка. На тонком пергаменте стройными рядами друг за другом следовали полные имена и фамилии, рядом стояли даты из будущего. Сегодня вечером, завтра, послезавтра. Список был бесконечным, и числа уходили в вечность, казалось, там были все, ныне живущие на Земле. Я растерянно хлопал ресницами: что за ерунда здесь происходит? За моей спиной, не дыша, стоял наш швейцар и не сводил своих черных глаз с клинка. Селеста, кажется, забыла, что он прекрасно умеет читать по губам. А нет, не забыла...

– Лукас, будь добр, налей еще вина, – она кивнула на свой пустой бокал.

Швейцар очнулся и выполнил ее просьбу, опустошив бутылку до самого дна.

– Благодарю! А теперь, будь любезен, – улыбнулась девушка, – выпей за нашу встречу и принеси еще. Не бойся, ты нес скоро появишься в моем списке.

Лукас испуганно заморгал глазами, отчаянно пытаясь что-то сказать. Очевидно, он прекрасно знал стоимость вина или не хотел пить на работе.

– И, пожалуйста, выясни, где там наш заказ, – добавила Селеста, – я забираю гораздо больше народу, когда голодна!

После таких слов Лукас залпом выпил все вино и, словно ошпаренный, полетел на кухню, сжимая в руках пустую бутылку. Надеюсь, он не вызовет полицию? Подумаешь, пара красивых девчонок несет ерунду и хвастается друг перед другом безделушками. Какая разница, клинок это или косметика? Может быть, и упомянутый Аид – просто кинозвезда.

Я сжался, стараясь выглядеть как можно незаметнее, и потихоньку сползал под стол. Селеста быстро вытащила меня за шкурку обратно, и в этот прекрасный момент оркестр заиграл свадебный марш Мендельсона. В зал вошло ровно двенадцать человек: мужчины во фраках, женщины с вечерними причёсками в коктейльных платьях. Два швейцара тут же забежали вокруг длинного стола, открывая и разливая шампанское, выдвигая стулья для дам. Одна из них, самая пожилая и солидная, зачем-то приволокла с собой белую карманную болонку, пушистую, как мочалка. Только бы на нее никто не сел.

Я на время забыл про своих дам и внимательно принялся рассматривать вновь пришедшую компанию. Судя по несмолкающему вальсу Мендельсона и молодой паре в центре стола, это была помолвка. Стойте! Кажется, я знаю этого белобрысого парня в кремовом костюме.

Андреа Лепрэнто, чувственный и яркий, как пламя, голубоглазый мальчишка из простой бедной семьи, в свои девятнадцать лет стал одной из первых скрипок мира. У него столько же братьев и сестер, сколько кудрей на его гениальной голове. Пожилая пара, что села по левую руку от него, – его родители, они все никак не могли привыкнуть к роскоши ресторана и мировой славе своего четвертого сына.

Справа от Андреа села темноволосая девушка примерно его же возраста, красивая и стройная, в оригинальном платье в тон его костюма. На ее шее играло драгоценными камнями искусное ожерелье стоимостью примерно с этот ресторан – подарок к помолвке. Я не знал невесту, но было видно, что девушка из богатого и весьма влиятельного рода.

– Селеста! Ты должна мне помочь! – быстро зашептала рыжая, не сводя зеленых глаз с белоснежного списка вокруг рукояти клинка. – Ты должна спасти его! Они любят друг друга! Они созданы быть вместе! Понимаешь?

Мои волосы буквально встали дыбом, когда я прочел последнюю строчку в списке:

«Андреа Лепрэнто. 23.06.13 19:44».

Я взглянул на часы в стареньком сотовом телефоне: оставалось менее пяти минут.

– Селеста! Он так молод и влюблен!

– Каллисто! – тяжело вздохнула блондинка. – Когда же ты поймешь, что все смертные – смертны? Что любовь и смерть всегда ходят парой! Ты просила меня уже тысячи раз, но я не могу ни во что вмешиваться! К тому же любовь интересна, до тех пор пока она несчастна!

– И попрошу еще тысячу раз! – в зеленых глазах блеснули слезы.

– Когда я соглашалась, то в итоге Аид забирал в десять раз больше невинных душ раньше их срока! И многие из них любили не меньше!

– Нет, пожалуйста, нет! – Каллисто резко потянулась к кривому клинку, но Селеста ее опередила, быстро схватив девушку за руку.

– Кто такой Аид? – спросил я не в тему, вопрос был проигнорирован.

– Глупая, Андреа погибнет не от моего клинка, – горько усмехнулась Селеста, – Лепрэнто – старейший обедневший баронский род. Твой мальчик не только талантлив, но и знатен. Их любовь крепко объединит две враждующих семьи. Это своего рода история Ромео и Джульетты со счастливым концом. Но не все так просто у смертных. Далеко не все мечтают о мире между сильными и знатными. Разделяй и властвуй любой ценой.

– Ну, погоди! – тонкие пальцы Каллисто безнадежно теребили белую скатерть. – Только попроси у меня что-нибудь! Убийца!

– Убийца? – переспросила Селеста, хмурясь; ее голубые глаза темнели. – Дорогая, ты слишком увлеклась смертными! Любовь сильна, но ее власть не безгранична! Или ты забыла, как смертные любят золото и власть? Андреа и Лиана никогда бы не встретились, если бы не его успех, и ни за что не стали бы парой, если бы не его гонорары! Знаешь, сколько стоит взмах смычка этого мальчика?

– Но Лиане нужна лишь его музыка!

Как только речь снова зашла о финансах, я тут же вспомнил о своих отрицательных доходах. Горький вкус полнейшей неплатежеспособности смешался с терпким ароматом дорогого вина. Я осушил уже второй бокал, из пустого желудка алкоголь мигом пробрался в голову, заставив речь обогнать все умные мысли.

– К черту любовь! – выдохнул я, глядя прямо в бездонные глаза Каллисто. – В этом мире ценится только золото, красotka!

Девушка посмотрела на меня так, словно я ее ударил. Печальный взгляд прекрасных глаз, полных тоски и сочувствия, что-то перевернул во мне. В то же мгновение мне захотелось провалиться сквозь землю, лишь бы только его не видеть.

Селеста смирила меня подозрительно недовольным взглядом и вздохнула:

– Тебе хватит, алкашенок, – затем повернулась к рыжей, – платой за смерть может быть только другая жизнь. Такая же юная и прекрасная. Выбирай, кого хочешь.

Каллисто вздрогнула, да так испуганно и резко, что ее зеленый легкий капюшон сполз на стройные плечи и медно-рыжие волосы вспыхнули огнем. Девушка прикусила дрожащую нижнюю губу и... взглянула на меня.

– Вашу мать! – не выдержал я. – Вы совсем оборзели?

– Нет, этот не пойдет, – закатила глаза Селеста, – таких придется забрать десять!

– Что?! – обалдел я, чувствуя, как сильно меня недооценили.

Но на этом разговор прервался, и к нашему столу подлетело аж два официанта с широченными подносами, на которых лежали разные вкусности: салат с крабами и устрицами, суп из осьминогов, фаршированные мидии и огромный красный лобстер. Мой желудок протяжно заурчал, напомнив своему хозяину, как он голоден. Ни одного из блюд я раньше не пробовал и, честно говоря, никогда не видел даже по телевизору. Следом за официантами шел, пошатываясь, Лукас, сжимая в руках бутылки красного и белого вина. Третья, почти допитая, торчала из-под его подмышки. Он криво улыбнулся и выставил все на стол.

– Нет! – отрезала Селеста, когда швейцар, что-то насвистывая, принялся наполнять мой бокал. – Лукас, будь любезен, принеси нам холодного морса для детей и чистый бокал для леди! А лучше возьми себе стул, пока ты не опрокинул весь стол!

– Каких таких детей? – возмутился я, протестуя против всяких морсов.

Но Лукас лишь послушно кивнул и отправился зигзагами в непонятном направлении.

– Селеста, пожалуйста! Ты меня слышишь? – взмолилась рыжая, твердо и уверенно глядя прямо в прекрасные глаза смерти. – Я... я согласна отдать свою жизнь! Бери, мне не жалко!

– Не глупи, Каллисто! Ты же знаешь, что я гораздо слабее тебя, и этот клинок не причинит тебе ни малейшего вреда. Ай, Лео, осторожнее, свинья в апельсинах!

– Профтите! – пробормотал я, кусая филейную часть лобстера, ароматный питательный сок которого летел во все стороны, щедро забрызгивая скатерти и платья девчонок. Я не знал, как его едят, и поэтому ел, как мог.

– Осталось три минуты! – шептала в отчаянии рыжая.

– Хорошо, – ответила Селеста, стирая салфеткой с лица сок лобстера, – Видишь всех этих гостей? Среди них есть некто, кто желает убрать Андреа. Угадай, кто это, и я возьму жизнь убийцы вместо юного скрипача.

– О! Ты бессердечна! – возмутилась Каллисто. – Тут только его родители! А остальные шестеро – его близкие друзья!

Я принялся внимательно рассматривать подозреваемых. Родители невесты, хоть и держались уверенно и гордо, выглядели вполне невинно. В их будущем маячили отличные перспективы. Родители жениха, седые и уважаемые старики, искренне радовались за сына. Дальше шла пара хихикающих подруг, женщин в возрасте тридцати лет, настолько же беспечных, насколько и обеспеченных. Было видно, что они сдружились совсем недавно, а если быть точным – всего пару часов назад, и еще не успели рассказать друг другу все известные сплетни и обсудить свои наряды. Рядом сидели их мужья: полный низкий господин с черными остренькими усами и высокий худой с пышной белобрысой шевелюрой. Очевидно, это были тетушки и дядюшки молодых. Хм, выглядели они вполне безобидно, однако во всех уважающих себя детективах обычно именно дядюшки травят и морят своих племянников.

С краю сидела старушка, что называется, божий одуванчик, и громко обсуждала происходящее со своей карманной шавкой, которая скакала прямо по столу и ни в чем себе не отказывала. А вот рядом с бабушкой скромно и почти незаметно сидел высокий мужчина средних лет; он послушно всех фотографировал и то и дело что-то записывал в свой дорожный планшет. Скорее всего, это был личный продюсер Андреа, интеллигентный и постоянно занятой.

Его дело – бизнес и прибыль, сделки и встречи. Так-так. Он подозвал к себе швейцара и что-то тихо ему сказал. Тот понимающе улыбнулся и отправился на кухню.

Стопроцентно убийцей должен быть именно продюсер! На носу выгодные контракты и постоянные гастроли, а тут – свадебные хлопоты и молодая жена. И хотя Каллисто в растерянности обхватила свою голову руками, у меня совсем не осталось сомнений. Вот вернулся швейцар и поставил на стол бутылку дорогущего красного вина – первоклассная отравка для всех собравшихся. Кстати, наш Лукас шел вслед за ним, волоча за спиной черное офисное кресло на колесиках. Страшно представить, где он его откопал. Надеюсь, не в кабинете начальства.

В любой истории, хорошей или плохой, обязательно должен быть свой герой – обычный скромный парень, который в критический момент восстановит справедливость и спасет мир. В этой истории стать героем решил именно я.

– Лукас! – сказал я громко и требовательно, глядя, как можно серьезней, на нашего пьяненького швейцара. – Видишь вон ту обшарпанную бутылку красного вина на длинном столе? Да, прямо напротив той толстой тетки! Принеси ее сюда! Будь добр, поскорее!

– К вину нужен сыр с фисташками и плесенью, – попросила Селеста с милой улыбкой и тут же добавила серьезно и безжалостно, – Скажи дирижеру, что его вальсы скучны. Пусть играют «Реквием» Моцарта, и пусть скрипка хоть раз не фальшивит.

Лукас, что-то недовольно бормоча себе под нос, послушно направился сначала к соседнему столу. Там швейцары уже разливали вино по высоким бокалам. Я чувствовал себя так, словно только что спас мир, пока... Лукас не прошел мимо длинного стола на кухню. Точнее, к оркестру. О нет, он совершенно не так понял мою просьбу!

Я пытался его окликнуть, но все оказалось напрасно: парень был глух, как дерево. Дирижер взмахнул палочкой, и я впервые в своей жизни услышал бессмертный «Реквием» Вольфганга Амадея Моцарта. Селеста глубоко вздохнула, а ее рыжая подруга с ужасом смотрела на Андреа, полностью игнорируя чье-либо присутствие. Алкоголь придавал мне смелости и отчаяния, я решительно встал, не понимая, чего ждет эта Каллисто и почему не вмешается сама.

Уверенно и быстро я направился прямо к длинному столу, благо между ним и нашим не было и пяти метров. Оркестр гремел в ушах, басы отдавались вибрацией в груди, я подошел вплотную как раз в тот момент, когда вся компания дружно чокалась бокалами, обмениваясь любезностями и улыбками.

– Пердонэ, хорошие синьоры! – вмешался я на ломаном испано-русском. – Ваше вино – кака! Отравлено!

Все замерли с бледными лицами и бокалами у рта. Первым очнулся как раз продюсер, он нахмурился и взглянул в свой бокал: добрая половина была уже выпита. Я уставился на него, считая секунды до того момента, когда он, как в фильмах, закатит глаза и упадет под стол с пеной у рта. Признаться честно, ждать пришлось так долго, что мне успели предложить угоститься этим же вином.

– О, нет! Это отравка! – протестовал я до тех пор, пока не увидел ту самую бутылку с ядом. Она преспокойненько стояла запечатанной в центре стола рядом с пышным букетом алых роз.

– Эй, парень, будь моим гостем, – заговорил на английском Андреа, маленький хозяин большого торжества, – выпей за мою помолвку! Попробуй новое вино!

Остальные одобряюще заулыбались, ближайший швейцар, подгоняемый торжественными звуками «Реквиема», тут же откупорил бутылку и принялся разливать ароматное вино темно-рубинового цвета по пустым бокалам.

– Стойте! Это и есть яд! – орал я, пытаюсь перекричать оркестр.

– Это, молодой человек, самое лучшее вино в Вероне, – сказал высокий светловолосый швейцар, одновременно скручивая мне за спиной руки, – пройдемте-ка со мной!

– Что? Ты разговариваешь? – удивился я, инстинктивно цепляясь руками за скатерть, и дернул ее на себя, что было силы. – Сюда вроде бы глухих берут!

Гости с криками вскочили из-за стола, на пол с грохотом посыпались дорогие блюда. К счастью, все бокалы, которые уже были наполнены, опрокинулись. Роскошный букет роз тут же рассыпался по столу, и один из цветков, пожалуй, самый пышный и яркий, угодил прямо в кроваво-красную лужу вина.

– Ты ответишь за это, поганец! – возмущенно закричал отец невесты, солидный мужчина во фраке, для весомости своих слов он достал из-за пазухи небольшой черный пистолет. – Испортил праздник моей дочери!

– Дарио! Нет! – вскрикнула его супруга, закрывая рот рукою.

Карие глаза ее мужа налились кровью, черные непослушные волосы вмиг растрепались, за исключением тех, что были убраны сзади в тугой хвост.

– Папа! Пожалуйста! – вскрикнула сама невеста, чьи пронзительные изумрудно-зеленые глаза блестели от слез.

Странно, но оркестр продолжал играть, постепенно переходя к главной теме, а вокруг нас собиралась толпа зевак. В этот самый момент мой испуганный взгляд упал на стол, туда, где шикарная алая роза купалась в кроваво-красном вине. Бархатные лепестки цветка теперь стали угольно-черными, как безлунная ночь. Гости синхронно ахнули. Но быстрее молнии в свете ламп блеснуло дорогое алмазное ожерелье на шее Лианы, мелькнуло легкое кремовое платье, и в следующий момент девушка уже сжимала в руках ядовитый черный цветок. Ее хрупкую ладонь тут же обхватила загорелая ловкая рука ее любимого.

Лицо Лианы исказила боль, Андреа разжал ее ладонь и побледнел, как мел: на нежной коже девушки красовалась пара кровавых царапин от шипов розы, прямо по ним бежали рубиновые капли вина. Цель любого яда – попасть в кровь, и если вино было отравлено, то... Черная роза бесшумно упала на пол, зеленые глаза Лианы последний раз посмотрели на любимого и закрылись, девушка упала замертво в его руках.

– НЕТ! – закричал на весь зал Андрэ, сильный прекрасный тенор полный боли и отчаяния заполнил зал, белокурая голова затряслась от бесшумного плача. – ЛИАНА! Нет!

– Яд! Нас предали! – закричал отец девушки, наставляя дуло пистолета поочередно на родителей жениха. – Подлые Лепрэнто! Вендетта!

– Нет! Зачем мне это, безумец?! – закричал пожилой отец жениха, красный от шока и гнева. – Одумайся, Дарио!

Рука, сжимающая пистолет, тряслась, но нажать на курок не смела, словно сама не верила в происходящий абсурд. Женщины визжали, мужчины ругались сразу на всех языках, кто-то, позабыв, что находится на корабле в открытом море, вызывал скорую, кто-то – полицию.

«Я сделал это! Спас пацана! – думал я, ожидая, что Лиана вот-вот очнется. – В кровь попало всего чуть-чуть! К тому же, ее имени нет в списке у Селесты»

Я обернулся к своей белокурой знакомой: она сидела, не шелохнувшись, а ее глаза стали чернее отравленной розы.

В этот момент у скрипки в оркестре лопнула струна. Резкий противный звук напугал всех, особенно Дарио. Тут же раздался выстрел, затем женские крики. Пуля попала в плечо отцу Андреа. Парень, которого я считал до этого момента злым продюсером, оказался старшим братом жениха и... верным сыном. С криком «Отец!» он схватил со стола нож и метнул его прямо в горло Дарио. Мужчина умер быстрее, чем его тело упало на пол.

– Мсть! Мсть! – каркал черный трехглазый ворон, раскачиваясь на дорогом хрустальном канделябре. Маленькая глупая собачка, сидящая в тарелке с салатом перед сердобольной бабулей, задрала вверх свою мордашку и протяжно завывала.

Андреа, не помня себя от горя, схватил бутылку с отравленным вином и, что было силы, швырнул ее в черного ворона. Жалко, что промазал. Стекло разлетелось вдребезги, и на разодетых гостей с потолка полетели осколки стекла вперемешку с вином, словно жестокий кровавый дождь.

Тут же со всех сторон загремели выстрелы, полетели тарелки и стулья. Как оказалось, все гости в зале были приглашены на торжество либо с одной, либо с другой стороны. Оркестр играл, как ни в чем не бывало. Правда, одной скрипкой стало меньше, но у всех в ушах по-прежнему прочно сидело по паре наушников: левый – чтобы слышать свою партию, правый – оркестр. Крики, выстрелы и стоны обходили дирижера стороной.

Я со всех сил заехал макушкой в нос державшему меня швейцару. Тот громко выругался и разжал свои цепкие объятия. Забыв про рыжую и блондинку, я бросился к двери и тут же натолкнулся на первую. Каллисто, растрепанная, вся в слезах, загрозила мой путь к отступлению. Ее прекрасные зеленые глаза жаждали видеть меня мертвым.

– Ты! – только и смогла произнести девушка. – Глупый, ничтожный смертный! Ты все испортил!

– Я спас твоего пацана! – возмутился я; вместе со мной говорили и остатки алкоголя в крови. – Найдет себе новую! Прочь с доро...

Тут меня настигла самая сильная пощечина в моей жизни, тут же выбив из дурной головы все мысли. Зажимая кровоточащую губу, я мигом протрезвел, как стеклышко.

– Ты! Ты больше никого не полюбишь никого до конца своих дней! – процедила сквозь зубы девушка, ее глаза горели. – Никогда! Так и знай! До встречи!

– Да чтоб тебя! – я с трудом стоял на ногах, правое ухо звенело дюжиной колоколов. – Проваливай, чокнутая!

– Как пожелаешь! Прощай!

Она развернулась и скрылась в дверном проеме, навсегда исчезнув из моей жизни. Я несколько не огорчился и обернулся в зал в поисках своей неугомонной черноглазой блондинки. Она стояла прямо передо мной и протягивала драгоценное ожерелье Лианы, аккуратно сжимая его тонкую золотую цепочку между большим и указательным пальцем.

– Ты кое-что забыл, Лео, – спокойно сказала она, черные глаза смотрели, не мигая, – твое золото.

Я взглянул на некогда прекрасное дорожное украшение ценою в половину стоимости этого корабля и с ужасом шарахнулся в сторону. Блестящие драгоценные камни были все в темно-красной жидкости, кровь превратила алмазы в рубины. Что случилось с Лианой? Я быстро взглянул в зал и тут же встретился с голубыми глазами несчастного Андреа, парень все еще держал свою мертвую невесту на руках. Так Ромео и Джульетта с легкой руки судьбы превратились в Орфея и Эвридику.

– Ты всегда желал золота, – напомнила о себе Селеста.

– Ты сдурела? – прошептал я, с ужасом глядя на кровавое ожерелье – с его помощью я бы мог запросто купить себе отличный дом, новую машину и есть в шикарных ресторанах до конца своих дней, но вместо этого я лишь отвел ее руку в сторону. – Оно все в крови!

– О, наивный мальчик, – улыбнулась Селеста, черные глаза сверкали, – знаешь ли ты, что на Земле все золото в крови? Бери, его можно отмыть!

– Нет! – закричал я, отступая назад, и снова взглянул в зал.

«Реквием» кончился, убийства тоже, стороны разбирали своих раненых и считали потери. Странно, почему же глаза Селесты совсем не светлеют? Ведь все кончено!

– Что тебе сказала Каллисто? – неожиданно перевела она тему.

– Ничего особенного, – быстро ответил я, – просто наорала и дала по морде!

В это время к нам подбежал взволнованный Лукас в потрепанном костюме и с разбитой щекой. Его черные глаза расширились от блеска драгоценных камней. Секунда – и крепкий кулак швейцара сжался вокруг дорогого ожерелья, кровавого билета в волшебный мир роскоши и удовольствия. Он с силой выдернул драгоценность из руки Селесты и с радостными воплями помчался прочь из зала. Правда, ему не удалось уйти далеко: задыхаясь, бедняга замертво упал с лестницы, кубарем покотившись вниз по ступеням.

– Семь – один, Лео, – сказала Селеста. Ее черные глаза впитывали свет, девушка развернулась к выходу, – Это была не кровь, а отравленное вино. Бедняга Лукас порезался камнями. На Земле золото убивает гораздо больше людей, чем любые другие металлы.

– Ты хотела меня убить? – закричал я, в ужасе отступая назад. – Этим дурацким ожерельем с ядом, да?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.